

УДК 340.1

DOI: 10.34670/AR.2026.91.86.005

**Духовно-нравственные ценности в российском
праве: реконструкция понятия в русской философии
права XIX–XX вв. и его позитивно-правовая дефиниция**

Багрова Екатерина Дмитриевна

Аспирант,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/1;
e-mail: catherine_bagrova@mail.ru

Аннотация

Категория духовно-нравственных ценностей вошла в систему действующего российского права прежде, чем за ней закрепилось устойчивое доктринальное определение, вследствие чего содержание термина в нормативных текстах и его трактовка в отечественной философско-правовой традиции совпадают неполно. Работа реконструирует понятие духовно-нравственных ценностей в линии русской философии права XIX–XX вв. и сопоставляет полученную реконструкцию с позитивно-правовой дефиницией, закреплённой в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Применены формально-юридический, историко-правовой и герменевтический методы, а также телеологическое толкование конституционных норм. Установлено, что в отечественной традиции ценность мыслилась как сверхпозитивный ориентир, предшествующий праву и обосновывающий его, тогда как действующее регулирование переводит ценность в положение объекта государственной политики и правовой защиты. Редакция определения, введённая в марте 2026 г., сместила акцент с перечня к понятию нравственного ориентира, формирующего мировоззрение, однако операционального для правоприменения признака ценности по-прежнему не задаёт. Двойственная природа понятия – аксиологическая и нормативно-ориентирующая одновременно – объясняет затруднения правоприменителя и указывает на необходимость доктринального разграничения ценности, ориентира и принципа в едином понятийном ряду.

Для цитирования в научных исследованиях

Багрова Е.Д. Духовно-нравственные ценности в российском праве: реконструкция понятия в русской философии права XIX–XX вв. и его позитивно-правовая дефиниция // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 41-49. DOI: 10.34670/AR.2026.91.86.005

Ключевые слова

Духовно-нравственные ценности, философия права, отечественная философско-правовая традиция, правовая аксиология, конституционные ценности, традиционные ценности, правопонимание, методология исследования, государственная политика.

Введение

Категория духовно-нравственных ценностей вошла в систему действующего российского права раньше, чем за ней закрепилось устойчивое доктринальное определение. Закрепление соответствующего понятийного ряда в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 в редакции Указа Президента РФ от 4 марта 2026 г. № 136) и его опора на конституционные положения, прежде всего на часть 2 статьи 67.1 Конституции РФ, перевели термин из области правовой аксиологии и философии права в плоскость позитивно-правового регулирования. Содержание термина в нормативных текстах и его трактовка в отечественной философско-правовой традиции при этом совпадают неполно, что и образует исходное противоречие настоящей работы.

Разнородность трактовок концепта зафиксирована и в современной литературе. Г. А. Илларионов с соавторами [Илларионов и др., 2025] разводят несколько парадигм понимания традиционных духовно-нравственных ценностей, расходящихся по самому основанию – от историко-культурного до нормативно-охранительного. Параллельно остаётся нерешённым вопрос о допустимости и пределах нормативного закрепления ценностей: В. В. Субочев и К. А. Устиленцев [Субочев, Устиленцев, 2024], сопоставляя доводы *pro et contra*, показывают, что перевод ценностного содержания в правовую форму сопряжён с риском его выхолащивания, поскольку ценность по природе адресуется сознанию и регулирует поведение лишь опосредованно. Эта развилка прямо затрагивает понятийный аппарат, на котором строится государственная политика в рассматриваемой сфере.

Историко-генетический срез понятия проработан менее системно. Е. Д. Багрова [Багрова, 2025] прослеживает становление представления о духовно-нравственных ценностях в отечественной традиции XIX–XX вв., однако связь между этой линией и современной легальной дефиницией в литературе почти не артикулирована.

Цель работы – реконструировать понятие духовно-нравственных ценностей в отечественной философско-правовой традиции и сопоставить реконструкцию с позитивно-правовой дефиницией, чтобы выявить характер расхождения между аксиологическим и нормативным пониманием ценности. Решение этой задачи позволяет объяснить затруднения правоприменителя, сталкивающегося с понятием, которое одновременно описывает должное и притязает на регулятивную силу.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено формально-юридическим (догматическим) методом в сочетании с историко-правовым подходом, методами системного и телеологического толкования, а также правовой герменевтикой; сопоставление доктринальных позиций проведено методом понятийно-категориального анализа. Эмпирическую основу образуют Конституция РФ с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (статья 67.1 введена Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ), Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 в редакции Указа от 4 марта 2026 г. № 136, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 2

июля 2021 г. № 400) и план мероприятий по реализации Основ на 2024–2026 гг., утверждённый распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 1734-р.

Доктринальный слой реконструируется по источникам русской философии права и религиозно-философской мысли XIX – начала XX в., привлекаемым в той мере, в какой они формируют понимание ценности как самостоятельной категории правосознания. Ключевой методический приём состоит в разграничении двух смысловых слоёв термина: аксиологического, где ценность выступает основанием оценки, и нормативно-ориентирующего, где она встроена в инструментарий государственной политики. Такое разведение позволяет проверить, сохраняется ли единство понятия при его перемещении из философского регистра в позитивно-правовой.

Результаты и обсуждение

Отечественная философско-правовая традиция выработала понимание ценности задолго до её терминологической фиксации в законодательстве. Д. В. Липич [Липич, 2023], разбирая правовые концепции русской религиозно-философской мысли начала XX в., показывает, что право в этой линии осмыслялось не как самодостаточный порядок норм, а как производное от нравственного основания, которое мыслители полагали предшествующим позитивному установлению. Нравственный идеал при этом понимался не как субъективное предпочтение, а как объективное должествование; Ю. В. Кокарева [Кокарева, 2025] прослеживает эту установку даже в философии народничества, где служение и самоотвержение трактовались как форма практического разума, наделённая надличностным значением.

Линия идеалистического, или трансцендентального, правопонимания довела эту посылку до методологического основания. А. В. Серегин [Серегин, 2021], реконструируя философские основы такого понимания права, фиксирует общий для него тезис: правовая норма черпает обязывающую силу из сверхэмпирического ценностного порядка, а не из факта её установления властью. Отсюда вытекает специфическая трактовка ценности – она не выводится из действующего права и не сводится к нему, но служит критерием его оценки. В. П. Сальников с соавторами [Сальников и др., 2024], рассматривая философские и богословские предпосылки суверенности отечественной философии права, связывают эту трактовку с устойчивым приоритетом нравственного основания над формально-юридическим, который они считают опознавательным признаком российской традиции правовой мысли. Именно в этом пункте традиция расходится с правовым позитивизмом, для которого вопрос о ценности выносится за пределы юридического анализа.

Понимание ценности как сверхпозитивного ориентира предопределяет и её понятийный статус. В традиции ценность не поддаётся исчерпывающему перечислению, поскольку она задаёт горизонт оценки и не входит в него отдельным элементом; перечень в таком понимании всегда вторичен по отношению к основанию, из которого он выводится. Это наблюдение существенно для дальнейшего сопоставления с действующим регулированием, где понятие раскрывается преимущественно через номенклатуру.

Современная доктрина возвращается к вопросу о философско-правовой природе духовно-нравственных ценностей, хотя и с иными акцентами. Е. В. Безвиконная и Е. П. Мороз [Безвиконная, Мороз, 2024] трактуют эту природу как двойственную: ценность одновременно принадлежит сфере сознания и претендует на роль регулятора социальных отношений, чем и объясняется её неустойчивое положение в понятийном аппарате юриспруденции.

Н.Н. Апостолова [Апостолова, 2023] идёт дальше и квалифицирует духовно-нравственные ценности как основание российского государства и права, то есть отводит им место не среди прочих правовых явлений, а в фундаменте правопорядка. Близкую позицию занимают Р.Ф. Степаненко, Г. Н. Степаненко и И. В. Левкин [Степаненко, Степаненко, Левкин, 2023], связывающие духовно-нравственные основы правопорядка с условиями его внутренней устойчивости, при которых соблюдение нормы опирается не только на принуждение, но и на разделяемое представление о должном.

Доктринальная преемственность прослеживается и через консервативную традицию правовой мысли. А. Ю. Кузубова [Кузубова, 2023], исследуя отражение традиционных ценностей в юридической доктрине русского консерватизма, отмечает, что для этого направления характерно понимание права как способа сохранения исторически сложившегося уклада при сдержанном отношении к его переустройству. При всей содержательной близости к рассматриваемой проблематике эта линия высвечивает методологическое затруднение: квалификация ценности как основания правопорядка плохо совмещается с её же квалификацией как объекта, подлежащего правовой защите. Основание и защищаемый объект занимают в понятийной схеме разные позиции, и совмещение их в одном термине порождает напряжение, которое доктрина пока разрешает преимущественно описательно.

Позитивно-правовое закрепление понятия задаёт иную логику. Конституция РФ в части 2 статьи 67.1 фиксирует преемственность в развитии Российского государства и память предков, передавших идеалы и веру, а в части 3 той же статьи – защиту исторической правды; преамбула Конституции вводит ту же ценностную рамку через указание на чтимую память предков и веру в добро и справедливость. Тем самым конституционный текст не определяет ценность, а презюмирует её, встраивая в основания государственности. А. А. Кузнецова [Кузнецова, 2025], анализируя конституционные основы становления и развития духовно-нравственных ценностей в праве России, рассматривает эти положения как нормативную точку опоры для последующего отраслевого регулирования, а С. В. Судакова [Судакова, 2025] показывает их конституционно-правовое значение применительно к реализации свободы совести и вероисповедания, где ценностная рамка непосредственно соприкасается с субъективным правом.

Развёрнутую дефиницию даёт уже не конституционный, а стратегический уровень регулирования. В пункте 4 Основ, изложенном в редакции Указа Президента РФ от 4 марта 2026 г. № 136, традиционные ценности определены через понятие нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан, передаваемых от поколения к поколению и лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности. Пункт 5 раскрывает понятие через перечень из семнадцати позиций, куда включены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Сам документ при этом отнесён к актам стратегического планирования в сфере национальной безопасности и реализует соответствующий стратегический приоритет, обозначенный в Стратегии национальной безопасности РФ, что придаёт понятию не только декларативное, но и инструментальное звучание.

Сопоставление дефиниции с реконструированной традицией обнаруживает первое расхождение. Ф. В. Чирков [Чирков, 2023], рассматривая содержание и назначение традиционных ценностей, фиксирует, что законодатель раскрывает понятие преимущественно

через назначение и перечень, а не через родовой признак, тогда как традиция определяла ценность через её основание. А. А. Козлова [Козлова, 2024], характеризуя духовно-нравственные ценности как объект правовой защиты, подмечает связанное с этим смещение: ценность, помещённая в положение защищаемого блага, неизбежно сближается с охраняемым законом интересом и тем самым утрачивает признак сверхпозитивности, который был для неё определяющим в философско-правовой традиции. Перемещение понятия из регистра основания в регистр объекта меняет, следовательно, не только его функцию, но и его содержание.

Второе расхождение касается внутренней структуры легального перечня. В одном ряду оказываются разнопорядковые величины: жизнь, достоинство, права и свободы человека одновременно выступают конституционными правами по главе 2 Конституции РФ и поименованы как традиционные ценности. Возникает понятийная вложенность, при которой субъективное право квалифицируется как ценность, а ценность – как объект государственной защиты, что замыкает определение на самого себя. Для правоприменителя это означает отсутствие операционального признака, позволяющего отграничить ценность от смежных категорий – принципа права, охраняемого интереса, конституционной нормы-цели. Редакция определения 2026 г., сместившая акцент с перечня к понятию мировоззренческого ориентира, сокращает разрыв на уровне формулировки, однако критерия применимости по-прежнему не вводит: ориентир, формирующий мировоззрение, остаётся категорией сознания, плохо поддающейся юридической квалификации в конкретном деле.

Практические следствия понятийной неопределённости обнаруживаются при истолковании отсылочных норм. Когда отраслевое законодательство связывает правовое последствие с защитой традиционных духовно-нравственных ценностей, правоприменитель опирается на перечень, не получая критерия ни для случаев, прямо в нём не названных, ни для ситуаций, где поименованные позиции вступают между собой в конкуренцию. Приоритет духовного над материальным и права и свободы человека способны указывать на различные решения одного спора, тогда как перечень не содержит правила их соотнесения и не устанавливает между ними иерархии. Понятие, заданное номенклатурой без родового признака, переносит разрешение возникающей коллизии на усмотрение, что для категории, претендующей на роль ориентира публичной политики, снижает её регулятивную определённость и затрудняет единообразие практики.

Сведение наблюдений в единую картину указывает на интегративную природу понятия, в которой оба слоя соединены. Духовно-нравственная ценность удерживает аксиологический слой, унаследованный от отечественной традиции, где она выступает основанием оценки права, и одновременно приобретает нормативно-ориентирующий слой, в котором функционирует как ориентир государственной политики и предмет правовой защиты. Затруднения правоприменителя порождаются не ошибкой законодателя в отдельной формулировке, а соединением этих слоёв в одном термине без их понятийного разведения.

Отсюда вытекает и направление доктринальной работы *de lege ferenda*. Продуктивным представляется не расширение перечня и не его уточнение, а введение в доктрину трёхчленного различия: ценность как аксиологическое основание, ориентир как переходная форма, фиксируемая в актах стратегического планирования, и принцип как операциональная правовая категория, пригодная для применения в конкретном деле. Закрепление такого различия на уровне разъяснения соотношения статьи 67.1 Конституции РФ и Основ позволило бы сохранить сверхпозитивный смысл ценности и при этом обеспечить правоприменителя работающим критерием, не отождествляя ценность с охраняемым интересом. В рамках такого подхода

перечень из семнадцати позиций сохраняет ориентирующее значение, но перестаёт выполнять несвойственную ему функцию определения, а юридически применимым звеном становится принцип, выводимый из ценности и формализуемый в отраслевой норме.

Заключение

Реконструкция понятия в отечественной философско-правовой традиции и его сопоставление с действующей дефиницией показывают, что духовно-нравственная ценность обладает двойственной природой. В традиции русской философии права она мыслилась как сверхпозитивный ориентир, предшествующий праву и обосновывающий его обязывающую силу; в действующем регулировании она поставлена в положение объекта государственной политики и правовой защиты. Эти два слоя не исключают друг друга, но и не сведены в понятийном аппарате к единому основанию, отчего термин одновременно описывает должное и притязает на регулятивную функцию.

Редакция определения, введённая в марте 2026 г., сместила акцент с перечня к понятию нравственного ориентира, формирующего мировоззрение, и тем сократила формальный разрыв между легальной дефиницией и философско-правовой трактовкой ценности как основания, из которого перечень произведен. Операционального признака, позволяющего отграничить ценность от принципа права и охраняемого интереса в конкретном деле, обновлённая формулировка, однако, не вводит, и в этой части понятие сохраняет преимущественно мировоззренческий характер без юридико-технической определённости.

Удержание сверхпозитивного смысла ценности совместимо с потребностями правоприменения лишь при понятийном разведении ценности, ориентира и принципа в едином ряду, опирающемся на разъяснение соотношения части 2 статьи 67.1 Конституции РФ и Основ государственной политики. При таком разведении за ценностью закрепляется роль аксиологического основания, за принципом – роль применимой правовой категории, а понятие духовно-нравственных ценностей перестаёт замыкаться на перечне поименованных благ.

Библиография

1. Апостолова Н.Н. Духовно-нравственные ценности – основа российского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 7–13.
2. Багрова Е.Д. Понятие духовно-нравственных ценностей в отечественной философско-правовой традиции XIX–XX веков // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 6-1. С. 52–60.
3. Безвиконная Е.В., Мороз Е.П. Философско-правовая природа традиционных духовно-нравственных ценностей России // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 18–22.
4. Илларионов Г.А., Кудашов В.И., Леопа А.В., Рахинский Д.В. Парадигмы понимания концепта «традиционные духовно-нравственные ценности» // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 10. С. 196–200.
5. Козлова А.А. Общая характеристика духовно-нравственных ценностей как объекта правовой защиты // *Advances in Law Studies*. 2024. Т. 12. № 3. С. 11–15.
6. Кокарева Ю.В. Роль нравственного идеала в русской философии (на примере философии народничества) // Вестник Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 2025. № 2 (4). С. 83–87.
7. Кузубова А.Ю. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и их отражение в юридической доктрине русского консерватизма // Международный научный вестник (Вестник Объединения православных ученых). 2023. № 2 (38). С. 20–23.
8. Кузнецова А.А. Духовно-нравственные ценности в праве России: конституционные основы становления и развития // Современное право. 2025. № 1. С. 22–25.

9. Липич Д.В. Правовые концепции русской религиозно-философской мысли начала XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 70–78.
10. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Прокофьев К.Г. Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты // Теория государства и права. 2024. № 2-1 (37). С. 186–204.
11. Серегин А.В. Философские основы трансцендентального (идеалистического) правопонимания // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6. № 1. С. 20–24.
12. Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н., Левкин И.В. Духовно-нравственные основы правопорядка (философско-правовые и юридические аспекты) // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 70–73.
13. Субочев В.В., Устиленцев К.А. Нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: pro et contra // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2 (40). С. 30–37.
14. Судакова С.В. Конституционно-правовое значение духовно-нравственных ценностей в контексте реализации свободы совести и вероисповедания // Конституционализм и государствоведение. 2025. № 2 (38). С. 57–65.
15. Чирков Ф.В. Содержание и назначение традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 4. С. 120–129.

Spiritual and Moral Values in Russian Law: A Reconstruction of the Concept in Russian Philosophy of Law of the 19th–20th Centuries and Its Positive Legal Definition

Ekaterina D. Bagrova

Postgraduate Student,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: catherine_bagrova@mail.ru

Abstract

The category of spiritual and moral values entered the system of current Russian law before a stable doctrinal definition was assigned to it, as a result of which the content of the term in normative texts and its interpretation in the Russian philosophical-legal tradition do not fully coincide. The paper reconstructs the concept of spiritual and moral values in the line of Russian philosophy of law of the 19th–20th centuries and compares the obtained reconstruction with the positive-legal definition enshrined in the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Formal-legal, historical-legal, and hermeneutic methods, as well as teleological interpretation of constitutional norms, have been applied. It has been established that in the Russian tradition, value was conceived as a supra-positive guideline preceding law and justifying it, whereas the current regulation transfers value to the position of an object of state policy and legal protection. The wording of the definition introduced in March 2026 shifted the emphasis from a list to the concept of a moral guideline forming a worldview; however, it still does not set an operational attribute of value for law enforcement. The dual nature of the concept – axiological and normative-orienting simultaneously – explains the difficulties of the law enforcer and indicates the need for a doctrinal distinction between value, guideline, and principle in a single conceptual framework.

For citation

Bagrova E.D. (2026) Dukhovno-nravstvennye tsennosti v rossiiskom prave: rekonstruktsiya ponyatiya v russkoi filosofii prava XIX–XX vv. i ego pozitivno-pravovaya definitsiya [Spiritual and Moral Values in Russian Law: A Reconstruction of the Concept in Russian Philosophy of Law of the 19th–20th Centuries and Its Positive Legal Definition]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 41–49. DOI: 10.34670/AR.2026.91.86.005

Keywords

Spiritual and moral values, philosophy of law, Russian philosophical-legal tradition, legal axiology, constitutional values, traditional values, legal understanding, research methodology, state policy.

References

1. Apostolova, N. N. (2023). Dukhovno-nravstvennye tsennosti – osnova rossiyskogo gosudarstva i prava [Spiritual and moral values as the basis of the Russian state and law]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasus Legal Bulletin], 1, 7–13.
2. Bagrova, E. D. (2025). Ponyatie dukhovno-nravstvennykh tsennostey v otechestvennoy filosofsko-pravovoy traditsii XIX–XX vekov [The concept of spiritual and moral values in the Russian philosophical and legal tradition of the 19th–20th centuries]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 15(6-1), 52–60.
3. Bezikonnaya, E. V., & Moroz, E. P. (2024). Filosofsko-pravovaya priroda traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostey Rossii [The philosophical and legal nature of traditional spiritual and moral values of Russia]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies], 3(44), 18–22.
4. Chirkov, F. V. (2023). Soderzhanie i naznachenie traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey [The content and purpose of traditional Russian spiritual and moral values]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of the Kuban State University], 4, 120–129.
5. Illarionov, G. A., Kudashov, V. I., Leopa, A. V., & Rakhinsky, D. V. (2025). Paradigmy ponimaniya kontsepta "traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti" [Paradigms of understanding the concept of "traditional spiritual and moral values"]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 10, 196–200.
6. Kokareva, Yu. V. (2025). Rol' pravstvennogo ideala v russkoy filosofii (na primere filosofii narodnichestva) [The role of the moral ideal in Russian philosophy (on the example of the philosophy of Narodnichestvo)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy akademii sledstvennogo komiteta* [Bulletin of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee], 2(4), 83–87.
7. Kozlova, A. A. (2024). Obshchaya kharakteristika dukhovno-nravstvennykh tsennostey kak ob"ekta pravovoy zashchity [General characteristics of spiritual and moral values as an object of legal protection]. *Advances in Law Studies*, 12(3), 11–15.
8. Kuznetsova, A. A. (2025). Dukhovno-nravstvennye tsennosti v prave Rossii: konstitutsionnye osnovy stanovleniya i razvitiya [Spiritual and moral values in the law of Russia: Constitutional foundations of formation and development]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 1, 22–25.
9. Kuzubova, A. Yu. (2023). Traditsionnye rossiyskie dukhovno-nravstvennye tsennosti i ikh otrazhenie v yuridicheskoy doktrine russkogo konservatizma [Traditional Russian spiritual and moral values and their reflection in the legal doctrine of Russian conservatism]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik (Vestnik Ob"edineniya pravoslavnykh uchenykh)* [International Scientific Bulletin], 2(38), 20–23.
10. Lipich, D. V. (2023). Pravovye kontseptsii russkoy religiozno-filosofskoy mysli nachala XX veka [Legal concepts of Russian religious and philosophical thought of the early 20th century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences], 9 (75) (2), 70–78.
11. Salnikov, V. P., Ismagilov, R. F., & Prokofyev, K. G. (2024). Filosofskie i bogoslovskie predposylki suverennosti filosofii prava Rossii: tsennostnye i pravstvennye aspekty [Philosophical and theological premises of the sovereignty of philosophy of law of Russia: value and moral aspects].

-
- the philosophy of law of Russia: Value and moral aspects]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], 2-1 (37), 186–204.
12. Seregin, A. V. (2021). *Filosofskie osnovy transtsendental'nogo (idealisticheskogo) pravoponimaniya* [Philosophical foundations of the transcendental (idealistic) understanding of law]. *Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy* [Journal of Legal Studies], 6(1), 20–24.
 13. Stepanenko, R. F., Stepanenko, G. N., & Levkin, I. V. (2023). *Dukhovno-nravstvennye osnovy pravoporyadka (filosofsko-pravovye i yuridicheskie aspekty)* [Spiritual and moral foundations of the legal order (philosophical-legal and juridical aspects)]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 6(222), 70–73.
 14. Subochev, V. V., & Ustilentsev, K. A. (2024). *Normativno-pravovoe zakreplenie traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey: pro et contra* [The normative and legal consolidation of traditional Russian spiritual and moral values: Pro et contra]. *Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], 2(40), 30–37.
 15. Sudakova, S. V. (2025). *Konstitutsionno-pravovoe znachenie dukhovno-nravstvennykh tsennostey v kontekste realizatsii svobody sovesti i veroispovedaniya* [The constitutional and legal significance of spiritual and moral values in the context of the realization of freedom of conscience and religion]. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie* [Constitutionalism and State Studies], 2(38), 57–65.